

ДЕБЮТИРУЕТ... НАРОДНЫЙ АРТИСТ

На съемках фильма
„Жили-были
старик со старухой“

В канун Первой здесь стояла отменная съемочная погода — минус 22 и плюс солнце. Приполярный город Инта, где жили мосфильмовцы, просыпался на час раньше Москвы. Еще недавно никто из них не знал, что «Последние известия» начинают первый выпуск в пять утра по московскому времени, когда Инта уже собирается на шахты. И никто — ни Галя Польских, ни Георгий Мартынюк, ни старик со старухой — Иван Никитич Марин и Вера Андреевна Кузнецова не подозревали, что в этот час может всю светит солнце. Нет, это еще не белые ночи — пока только бело вокруг от снега, но в начале третьего (как назвать это время суток — ночь ли утро?) все уже ярко вокруг от солнечного света. И понятие: «Рано утром съемки» — весьма неопределенно. Вот почему, узнав, что в тундре с утра будут снимать двухтысячное оленье стадо, первые болельщики появились чуть свет у чума колхоза имени Ленина.

Марин, как и все его коллеги, впервые в этих краях. И первый раз на шестидесятилетнего дебютанта кино, народного артиста РСФСР смотрит не зритель, а объектив камеры. Старый актер из Тамбовского драматического театра, кажется, и не подозревает, каких только кинознаменитостей не пробовал до него Григорий Чухрай. А победил всех претендентов на роль старика Гусакоса начинающий актер кино — Марин. Дебютирует и его «дочь» Нина — Людмила Максакова, актриса театра имени Вахтангова. Из «стариков» здесь Георгий Мартынюк — в Инте на стенах еще висят афиши «Тишины», и зрители сразу узнают в нем Костю. Галя Польских давно знакома интинцам еще по «Дикой собаке Динго», а сейчас здесь идет «Я шагаю по Москве». Пока Галя шагала по тундре, новый ее фильм шагнул на Международный кинофестиваль в Канн, а Мар-

тынюк из приполярной пурги учится сниматься в мосфильмовской «Метели».

Седой человек, приехавший на Север к дочери, — в жизни неустойчивой, бросившей мужа-шахтера и малое дитя, — ждет, когда позовут его на дело. Чухрай заботливо спрашивает:

— Не мерзнете, Иван Никитич?

Завязав потуже тесемки меховых шапок и подняв воротники дубленых шуб, Чухрай, Марин, главный оператор Сергей Полуянов пошли навстречу оленям. Великолепное зрелище мчащегося стада. Маленькие кудлатые лайки, взяв в полукружье хозяев тундры, возвращают их к аппарату, снова гонят и опять заставляют на той же скорости повернуть поближе к операторам.

— Ртугы! — восхищенно говорит Чухрай. — Бешеная карусель!

За стадом в две тысячи голов гоняется не только сорок лаек, но и веревка арканщика. Вот сейчас этой четвероногой стреле, что неслется вместе со всеми, преградит путь худенький человек, совсем мальчишка издали, в малице и унтах. Мгновенный, как вспышка молнии, бросок лассо, засвистела тугая пенька, — на всем скаку замирает заарканенный олень.

— Марин — ветеринарный фельдшер Гусаков, которого за опыт и искусство величают доктором, будет спасать это стадо от эпизоотии. Другие, помолоче, не сумели, а он, старый специалист, хоть и впервые на Севере, сумеет.

Чухрай долго не знал, где поселить старика со старухой. Сценарий В. Дунского и Ю. Фрида уготовил им несуществующую на карте Ужму. Оператор и художник искали ее в Мурманске, Архангельске, Воркуте, Кирове и — не нашли. Все, что увидели Полуянов и Немечек, было давно обжито, красиво и слишком уютно для Севера, который они искали.

А нужна была им долгая зима на тихой улице, обрывающейся у самой тундры, беззащитные березки вдоль мостовой, которые каждый житель Ужмы готов был отогреть и укутать, как яблоны в стужу, — только бы выстояли зиму. И домики что-бы не из сруба, как в лесных архангельских поселках, поставленные на полста лет.

Наконец, они нашли в Инте то, что искали всюду на Севере. Улица, где остановились мосфильмовцы, была длинна и малолюдная. Здесь край земли — дальше начиналась тундра. Пурга бросала за воротник колючую, холодную пыль, пригоршнями осыпала лицо, слепила глаза. Сборные домики стояли по обе стороны улицы. В один из них они вошли — на окнах колыхались занавески.

— Великолечно! — восторжались режиссер и оператор. — Здесь старикам будет зябко — ни уюта, ни домашности. Смотрите, как ветер выдувает тепло! Таки мы одиноки почувствуют они себя, всматриваясь в обледенелое оконце, что, наверное, подумают: а ведь зря мы к Нинке прикатили, могли бы к Максиму на Черное море или к Мише в его московские хоромы. Писали, звали сыны, а дочь только телеграммы отбивала: «Шлите денег точка».

Но если и были у стариков такие мысли, то все равно не признались бы друг другу. За окошком розовел наст на солнце, ветер кружил снежный столб, похожий на смерч, и Сергею Полуянову показался сейчас смешным и наивным его мимолетный восторг перед бревенчатой избой в Киров-

ске, где он чуть было не оставил стариков у печи с жарко потрескивавшими еловыми чурками. А здесь, в поселке, единственное теплое место — макушки терриконов — они дымятся, как действующие вулканы. Беспомощными выглядели домик-коробка и три хилые березки перед окном на фоне этих могучих черных сопок, — вот где быть постоянной прописке Гусаковых: Инта, поселок шахты № 15, а по сценарию — Ужма. Угольный.

О чем же рассказывает новый фильм Григория Чухрая?

— О хороших людях, — отвечает мне режиссер. — Их очень много вокруг нас и рядом с нами в жизни. Они должны жить и в фильмах.

... «Газик» уносит нас на широкое шоссе, откуда можно попасть почти во все части света Инты — в шахтерском городе есть Восточный, Западный, Южный поселки. Нет только Северного. Нам предстоит сейчас повернуть на юг. Он в шестнадцати километрах от тундры, где остались две тысячи оленей колхоза имени Ленина. Мы едем к старику и старухе. Они живут на Дачной улице, в поселке шахты № 15, в доме № 3. На конверте нужно писать — «Инта-Южная». В правильности адреса можно убедиться, взглянув на термометр — всего минус 22 — на целый градус меньше, чем в тундре. И на Севере, оказывается есть Юг.

А. ЛАЗЕБНИКОВ —
корреспондент
«Советской России».

г. Инта, Коми АССР.

На верхнем снимке: И. Марин (слева) и Г. Мартынюк на съемке в Инте. На нижнем снимке: режиссер Г. Чухрай (на переднем плане) и главный оператор С. С. Полуянов во время съемок фильма.

